

Анна смотрела, как мистер Дамблдор и ребенок уходят. Дамблдор взял интересный тон на этой конференции. Анна была рада, что не пропустила это событие. Его позиция, несомненно, спровоцирует несколько чистокровных семей, в том числе и в министерстве. Анна знала, что ее семья наверняка обидится. Фамилия Малфой пользовалась уважением в большинстве кругов просто потому, что это была фамилия Малфой. Недавняя смерть одного из ее видных членов, попавшего на службу к самому страшному темному волшебнику того времени, заставила бы некоторых сторониться других членов семьи. Однако некоторые сочли бы это за честь.

Если бы слова Дамблдора были приняты близко к сердцу остальными волшебниками, вся структура их мира изменилась бы. На данный момент большинство людей, большинство компаний и даже министерство больше смотрели на чистоту крови и дом, к которому принадлежал человек в школе, чем на его реальную квалификацию. По мнению Анны, то, что произошло в одиннадцать лет, не должно определять весь ход жизни. Что касается чистоты крови, то она считала ее важной, хотя бы из-за связей каждой семьи, но не такой важной, как квалификация. Жизнь в Хаффлпаффе заставила даже самого стойкого приверженца чистоты крови по-новому взглянуть на то, как на самом деле работают люди и власть.

Что касается заботы Дамблдора о малыше, Анна не удивилась. Связь, которую она почувствовала, когда они были в больничной палате, с тех пор только окрепла. Она смогла почувствовать больше эмоций, которые разделяли эти двое. Почти в середине речи Дамблдора она почувствовала удовлетворение юного Поттера, как будто мальчик играл какую-то роль. Это было очень мимолетно, и она не была уверена, что уловила правильную эмоцию, но все же это было интересно. Она отложила эту информацию на потом и сосредоточилась на министре, который только что вошел на платформу.

Она попросила тишины, и ропот толпы затих, а операторы стали делать снимки со вспышкой. Как только мистер Дамблдор и юный Поттер ушли, целители объявили, что вспышки снова можно использовать. Анна закрыла глаза и на несколько мгновений отгородилась от множества внутренних голосов, которые ей подавали любопытные и удивленные репортеры, прежде чем министр начал говорить. Это был досадный побочный эффект ее дара: она не могла отгородиться от шума других волшебников и ведьм, если пыталась слушать что-то другое. Только когда она оказывалась в сознании другого человека, шум полностью прекращался. Когда шум был под контролем, так сказать, на заднем плане, она открыла глаза и сосредоточилась на нынешнем министре магии.

Министр Багнольд, насколько Анна могла судить, была хорошим человеком. Она верила в силу семьи и развитие волшебного общества. Она не была против маглов или полукровок в обществе, и даже поощряла их. Однако она по-прежнему с большим уважением относилась к устоявшимся семьям. Она была против Того-Кого-Нельзя-Называть, из-за его приверженности к магии, классифицируемой как темная, и его нарушения прогресса общества.

"Дамы, господа и представители прессы, - начала министр Миллисент Багнольд, - Альбус Дамблдор дал нам много пищи для размышлений. Хотя я не знаю, откуда он получил свои знания о Сами-Знаете-Ком, я утверждаю, что мы должны обратиться к нему как к эксперту в этой ситуации. Хотя его заявления радикальны, они основаны на его опыте и знаниях".

"Что касается ситуации с ребенком, пожалуйста, помните, что и он, и директор Дамблдор пережили много травм. Им следует дать время отдохнуть и восстановиться. Дайте им пространство и уединение. Я уверена, что он сможет отвечать на вопросы менее резко, если его просто оставят в покое".

Анна почувствовала раздражение министра по поводу отношения Дамблдора. Очевидно, она надеялась, что старик будет более мягким и изобразит ту личность, которую все от него ожидали.

Министр продолжила. "Состояние ребенка по праву хранится в тайне. Ведь если бы враги ребенка знали все его сильные и слабые стороны, ребенок мог бы оказаться в реальной опасности. Благодарю вас за внимание, и я отвечу на все ваши вопросы".

После ее резкого окончания на несколько мгновений воцарилось молчание. Анна не знала, что спросить, но ей все равно не хотелось привлекать к себе внимание.

Наконец одна женщина спросила: "Что вы думаете об усыновлении Гарри Альбусом Дамблдором?".

"На данный момент мальчик сделал больше, чем любой младенец в области магии. Я думаю, что отдать его на воспитание могущественному волшебнику, который твердо стоит на стороне света, было правильным решением. Его можно будет обучать и направлять, чтобы он использовал свою магию для дальнейшего развития волшебства".

Анна уловила шальную мысль министра о том, что она планирует обучать Гарри в своих собственных целях. Анна полагала, что у Дамблдора есть свои планы на мальчика, но предоставила министру строить свои воздушные замки. Не ей было говорить что-либо.

"Будет ли Альбус Дамблдор оставаться директором Хогвартса, пока он ухаживает за юным Поттером?" - спросил молодой человек.

"Насколько я знаю, останется", - ответила министр Багнольд. "Если нагрузки, связанные с управлением Хогвартсом, помешают воспитанию ребенка, я уверен, он уйдет в отставку".

Анна поняла, что министр понятия не имеет, что планирует сделать Дамблдор. Ей нравился стиль Дамблдора. Левая сторона ее рта начала ползти вверх, но она была слишком сосредоточена на том, чтобы слушать министра, чтобы поднять другую сторону для полной улыбки.

"У нас есть время для еще одного вопроса", - заявила министр Багнольд. Она жестом указала на другую женщину.

"Будет ли министерство следить за ребенком Поттеров?" - спросила она.

"Да, но не навязчиво", - ответила Багнольд. "Мы хотим быть уверены, что он будет воспитываться в наилучших условиях. Поймите, что его благополучие - наша первая забота. Большое спасибо, что вы пришли сегодня, но у меня есть другие дела, которыми я должна заняться". Министр встал с места и вышел из комнаты, предположительно на портключе или аппарировании.

"Первая забота", - подумала Анна. Она знала, что первой заботой министра было продвижение волшебного мира к светлой стороне магии, следующей - срок ее полномочий. Где-то за этим стояло благополучие одного ребенка. Анна отошла от толпы и наблюдала, как репортеры переговариваются, пытаются расспросить персонал больницы Святого Мунго и обмениваются мыслями о том, что только что произошло. Большинство из них делились на две категории: восторженные по поводу разоблачения крови или настороженные по поводу этого заявления, но пока что следящие за ним, потому что оно было сделано кем-то уважаемым. Очень немногие были возмущены. Вероятно, это было хорошее представление того, что почувствует все сообщество волшебников, когда эта история будет опубликована в различных газетах. Уровень шума, как физического, так и психического, повышался, поэтому Анна нашла укромный уголок и аппарировала обратно на работу.

<http://tl.rulate.ru/book/63848/1974544>